

Мария Кирилловна ЛАВРОВА - актриса БДТ (Санкт-Петербург).

Неполный список спектаклей с ее участием: «Аркадия», «Перед заходом солнца», «Лес», «Антигона», «Солнечная ночь». Мария Лаврова любит Чехова, считает Достоевского простым, а Петербург - сценой для изучения личностей.

- В последние несколько лет, когда можно как угодно провести время - и в кино стали показывать более-менее хорошие фильмы, и кафе сколько угодно, и клубов - человек, имея в кармане, скажем, 200 рублей, тратит их не на «Макдоналдс» и даже не на кино, а идет в театр.

- Слава Богу, если так. Я этого не знала. Театр вообще сам по себе - живое общение. Кино - это все-таки как смотреть на картину в музее. А театр есть абсолютно непосредственное общение с художником. И, наверное, это более эмоционально.

- Но ведь для того, чтобы понять происходящее на сцене, нужно обладать каким-то собственным багажом. Раз молодежь ходит в театр, подразумевается, что этот багаж есть.

- А куда он денется? Говорят, молодежь такая бездуховная - этого не может быть. Когда мне было 17 лет, у нас тоже были люди, которым было интересно фарцевать на галерее у Гостиного двора, а были люди, которым было интересно разговаривать о Сартре, к примеру. И сейчас есть молодежь, которая ходит на дискотеку, и молодежь, которой интересно пойти в театр.

- А как вы видите современный театр? Еще несколько лет назад - об этом писали и театроведы, и критики - в театре был застой. У вас есть ощущение подъема театра?

- Я не могу сказать, что сейчас происходит какой-то необыкновенный подъем. Мне кажется, кому интересен театр, тот и ходит. Кому совсем ничего не интересно, кроме денег, тот и не ходит. Мне кажется, люди идут в театр, чтобы добавить ощущение гармонии для своих душ, а не для тел.

- В ситуации, когда в театре нет постоянного режиссера, не становится ли он антрепризой?

- Нет, БДТ не антрепризный театр. Антреприза - театр, как правило, построенный на коммерции, ему нужно элементарно выжить, зарабатывать деньги. Антрепризный

театр должен давать возможность заработать актерам, которые туда приходят. БДТ все-таки государственный театр, нам платит государство. Мы можем заниматься творчеством.

- То есть вам удалось сохранить советскую «привычку», что-ли, «не думать» о деньгах. Многие творческие люди любят говорить: вот в советские времена мы не думали о деньгах.

- Это неправда. Артисты и в советских театрах всегда думали о деньгах, потому что зарплаты были всегда очень

сказать. Поэтому репетиция с Эльмо - как ребус: туда или не туда. И мне кажется, странная, как бы мерцающая структура «Аркадии» за счет этого и получилась, мы все работали немножко наощупь.

С Темуром Чхеидзе гораздо проще. Кажется, что он озвучивает твои мысли, что именно так и думаешь, тоже так хочешь. Необыкновенное взаимопонимание.

Ну, а с Гришей Козловым мы знакомы еще с института, много общались, он очень близок мне по духу, и, естественно, работать с ним

ОБЕРТОНЫ

маленькие, и в советские, и в постсоветские, и в какие угодно времена. И всегда актеры крутились на пупе, чтобы заработать, особенно мужчины. Съемки, телевидение, радио. Хотя государственный театр - это, конечно, не место, где можно заработать деньги.

- Вы работали с самыми разными режиссерами. Темур Чхеидзе, Эльмо Нюганен, Григорий Козлов.

- Мне повезло, я работала и работаю с хорошими режиссерами. У каждого свой метод. Но все они были мне очень близки, потому что мне казалось, я понимаю язык, на котором они разговаривают. Эльмо - загадочный эстонец, его все время приходилось расшифровывать, при том, что он плохо говорит по-русски. Он скажет что-то - и посмотрит. И ты на него тоже посмотришь - наверное, он вот что хотел

как с режиссером комфортно.

- А кем бы вы стали, Мария Кирилловна, если бы не стали актрисой?

- Я себя не считаю актрисой. Да и потом, что такое актриса? Актриса - прежде всего человек, который видит, что вокруг происходит, слышит, переживает и может это как-то выразить и передать другим. Синтетическая профессия.

- Нельзя не задать вопрос: какую роль вы считаете наиболее вам соответствующей - если такая есть - и какую роль вы мечтаете сыграть?

- Я никогда не думаю, что бы мне хотелось сыграть. Я в любой роли нахожу что-то, что задает меня как меня. То, что болит, что тревожит, а иначе - зачем?

- Неизбежно возникает вопрос о взаимоотношениях отца и дочери. Все-таки вы работаете в одном театре,

Кирилл Лавров - художественный руководитель. Влияет ли ваше родство на рабочие отношения?

- Все задают этот вопрос. Есть дом, есть работа, я даже стараюсь дома не разговаривать о работе. А потом, когда мы с отцом встречаемся на сцене как партнеры - есть режиссер, и мы работаем на равных. Когда он выступает в роли худрука - я актриса под его руководством, все достаточно понятно. А дома уже, конечно, другая жизнь, и я не хочу и не люблю все это смешивать.

- Что любит Мария Лаврова? Она ходит в кино, или на выставки, или читает книжки?..

- Читать не очень-то люблю. Я провела «дурную» молодость, потому что мне все время хотелось впечатлений, впечатлений, впечатлений. Я была распахнута миру и не приучила себя к чтению: чтение - занятие все-таки более закрытое и сосредоточенное. Чтение - это труд. Иногда думаю: надо куда-нибудь уехать и обложиться книгами, и читать, читать... Но даже когда я уезжаю в отпуск, я не сажусь тихонько с книгой, а куда-нибудь побегу посмотреть картину, красивый собор. Я живу больше глазами.

- А какое из последних впечатлений - понятно, что их много - особенно запомнилось?

- В «Доме, где разбиваются сердца» существует мир на фоне разрушающегося мира. Сейчас мы тоже живем в ситуации разрушающегося мира - война в Чечне, в Израиле, терроризм. У вас нет ощущения, что мир разваливается на глазах?

- У меня нет такого ощущения. Мир изменяется, мир становится другим, становится, наверное, жестче. Я смотрю на молодых людей: в чем-то они умнее, мозги у них быстрее работают, но в то же время в каких-то вещах они наивнее, чем мы были. Сейчас, наверное, труднее, потому что больше ерунды, шелухи, мишуры, которая кружится, вертится, прельщает. Сложнее остаться самим собой - я имею в виду молодых людей. А вообще всегда надо оставаться самим собой, чтобы прежде всего было интересно с собой. Если удастся этого достичь, тогда все нипочем. Тогда человек ощущает свою целостность, неповторимость, гармоничность. А что касается Шоу - он сам по себе загадочный драматург, мало понятый, как мне кажется. Обычно Бернарда Шоу - может, это мое субъективное мнение - ставят как костюмного драматурга: дамы в боа, мужчины в смокингах, легкий конфликт.

- То, что называется «есть что играть», в отличие, скажем, от Чехова...

- А вот тут интересно. У Шоу, конечно, есть драматургия. Но сам по себе, по своей природе, он был ибсенистом, а, как известно, это уже нивелированный, скрытый конфликт. «Дом, где разбиваются сердца» - фантазия в русском стиле, пьеса, написанная явно под впечатлением Чехова. И влияние, которое оказали на Бернарда Шоу Ибсен и Чехов, мне очень нравится, это можно играть. Я думала, что Шоу именно театральный драматург, без того, что я обожаю в Чехове - атмосферы какого-то космоса, обертоне, который возникает помимо всего. Возникает, если хотите, новый смысл пьесы. Идет жизнь, люди влюбляются, расстаются, говорят, пьют чай, а за этим возникает какой-то новый глобальный, совершенно потрясающий смысл. И в «Доме, где разбиваются сердца», тоже есть что-то такое загадочное, какой-то новый мир. Шоу очень почувствовал чеховскую атмосферу... Ходят, разговаривают, периодически бьются сердца...

Ольга Баранова

112) 02.02 (пребр.)
Лаврова Мария Кирилловна (актерка)